

Дух софоры, запечатанный в Изящной шкатулке ста вместилищ, теперь безропотно следовал за Фу Цанчжоу. Вместе с ними покинул старый постоялый двор и призрак трактирного служки, пребывающий в полном оцепенении.

Пока карета мерила дорогу на обратном пути, Фу Цанчжоу не выпускал из виду след ушедшего на поиски духа. Одновременно в его голове крутилась одна и та же мысль: как распутать этот клубок ложных обвинений и скрытых грехов, когда Четвертый Гао наконец окажется в его руках?

Дух софоры лишился рассудка, его редкие слова путались и лишались смысла. Но даже из этого бессвязного лепета стало ясно: догадка о переносе бедствий подтвердилась.

Если отбросить ужасающие последствия, то с личной точки зрения желание Четвертого Гао исцелить собственную смертельную болезнь за счет чужой жизни выглядело человеческим эгоизмом, вполне объяснимым в своей низости. Вот только он просчитался в главном — посредником в его темном ритуале стал не неодушевленный предмет, а разумное существо. Такой же полноправный обитатель поднебесного мира, как и человек.

Для Небесного закона подобные игры с чужими судьбами — тягчайший грех.

Конечно, Фу Цанчжоу вовсе не пытался его оправдать. Тот факт, что Четвертый Гао хладнокровно обрек невинного служку на смерть ради продления собственных дней, уже не вызывал сомнений. Это было намеренное, просчитанное злодейство. По законам смертных — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Даже если у Четвертого Гао имелись тысячи скрытых мотивов, невинной жертвой он точно не являлся.

Но как поступить?

"Я ведь не судья и не стражник."

В своей прошлой жизни Фу Цанчжоу привык, что даже самое праведное негодование обывателя не дает права выносить приговоры преступникам.

Он, разумеется, понимал, к чему подталкивает его Система. Повелитель призраков — владыка над сотнями ушедших душ. Тот, кто обязан защищать их права и карать тех, кто чинит беззаконие. Но Четвертый Гао пока еще жив. Живые должны отвечать перед судом живых. Но признает ли земной суд такие понятия, как перенос бедствий или кража чужой судьбы? Вряд ли.

Ему, никогда не знавшему бремени истинной власти, было тяжело за один миг превратиться в хладнокровного правителя, с легкостью обрывающего чужие жизни.

"Брат Чжэнь?" — позвал Фу Цанчжоу, едва ступив на землю.

У дверей дома, заложив руки за спину, стоял высокий мужчина. Было очевидно, кого именно он ждал здесь в столь поздний час.

"Неужели он беспокоился обо мне?"

Эта мысль мгновенно прогнала остатки душевной смуты, оставив после себя лишь теплое чувство благодарности.

Пока юноша торопливо спрыгивал с подножки кареты, Су Чжэнь успел протянуть руку и мягко, но уверенно поддержал его за локоть.

— Уже близится час Тигра, — негромко произнес он.

В этой короткой фразе сквозило долгое, изнурительное ожидание длиной во всю ночь.

У Фу Цанчжоу потеплело на душе. Он принялся торопливо объяснять, словно оправдываясь:

— По пути возникли непредвиденные обстоятельства...

Обычно молчаливый и замкнутый в присутствии посторонних, перед этим человеком юноша раскрывался без остатка. Он подробно пересказал все события безумной ночи, не утаив даже собственных сомнений и душевных терзаний.

В конце рассказа он с надеждой заглянул Су Чжэню в глаза:

— Брат Чжэнь, как ты думаешь, как лучше поступить в такой ситуации?

Су Чжэнь был старше, мудрее и явно занимал не последнее место в иерархии государства Юй. Его совет не мог оказаться пустым звуком.

— Долги возвращают монетой, а за жизнь платят головой, — без малейшего колебания ответил Су Чжэнь. Его голос оставался пугающе ровным. — Тот, кто ради собственной выгоды погубил несколько душ, совершил тягчайшее преступление. Каковы бы ни были его оправдания, по закону его ждет лишь одно наказание — рассечение надвое в пояснице.

Фу Цанчжоу невольно вздрогнул. От одной мысли об этой казни мороз пробежал по коже. Юноша помнил из когда-то прочитанных исторических заметок, что после этого страшного наказания человек умирает далеко не сразу. Его разум остается ясным, а мучения длятся не один час, пока тело медленно истекает кровью на смазанной маслом доске.

Су Чжэнь тем временем спокойно добавил:

— Тебе нужна моя помощь?

Фу Цанчжоу поспешно замахал руками:

— Нет-нет, что ты! Спасибо, не нужно.

"Какая еще помощь? Помочь разрубить человека пополам? Ну уж нет."

Юноша в очередной раз осознал, насколько глубокая пропасть лежит между ним, обычным парнем из современного мира, и этим высокопоставленным господином, для которого лишение жизни преступника было лишь привычной необходимостью.

"Земные законы здесь бессильны. Но у меня есть Системные книги, там наверняка найдется подходящий способ разобраться с Четвертым Гао."

Су Чжэнь, заметив, как юноша вжался в плечи, прячась от его слов, как испуганный птенец, едва заметно улыбнулся глазами.

— У меня в Циньчжоу есть верные люди. Они могут помочь тебе найти этого человека.

"Опять его знаменитые «несколько человек»..."

"Брат Чжэнь, сказал бы уже прямо, сколько воинов у тебя под началом!" — мысленно усмехнулся Фу Цанчжоу, но вслух вежливо отказался:

— Пока в этом нет нужды. Мои призванные духи отлично справляются с поисками на расстоянии.

Разговор подошел к концу. Вспомнив, что Су Чжэнь, скорее всего, не смыкал глаз всю ночь, Фу Цанчжоу уговорил его пойти отдохнуть.

Вернувшись в свою комнату, юноша принялся усердно листать системные книги в поисках решения. Увы, древние фолианты щедро делились тайными знаниями, но не содержали готовых судебных прецедентов.

Однако выход нашелся сам собой.

Свиток Инь-Ян, который Фу Цанчжоу использовал крайне редко, претерпел изменения.

"Он что... обновился?"

Размышляя над сутью этого загадочного артефакта, юноша уловил колебания воздуха. На рассвете вернулся призванный дух с долгожданной вестью.

Четвертый Гао не ушел далеко от Циньчжоу — его обнаружили в одном из городских игорных домов.

Колебался Фу Цанчжоу недолго. Понимая, что в одиночку соваться в притон не стоит, он решил воспользоваться предложением Су Чжэня.

"В конце концов, глупо не использовать силу, если брат Чжэнь так щедр."

Люди Су Чжэня превзошли все ожидания.

Дорога от Циньчжоу до уезда Гуйсянь занимала больше двух дней, однако уже к полудню отряд суровых воинов доставил пойманного Четвертого Гао прямо во двор дома.

Тот оказался крепким молодым мужчиной, одетым весьма прилично, но сейчас от его бывшего лоска не осталось и следа. Он висел в руках солдат, словно ошипанный петух, и лишь отчаянно верещал, пытаясь казаться грозным:

— Да кто вы такие?! Как вы смеее хватать меня?! Немедленно отпустите, не то горько пожалеете! Я дружен со здешними чиновниками, меня знают лучшие мастера боевых искусств!

Фу Цанчжоу устало потер лоб, чувствуя, как к горлу подкатывает смех от нелепости происходящего.

С одной стороны, его поразила бесцеремонность солдат Су Чжэня. Действовали они жестко, напористо, без лишних расспросов — настоящие разбойники на службе закона.

С другой стороны, сам грозный злодей, которого Фу Цанчжоу рисовал в своем воображении коварным и опасным чернокнижником, оказался обычным мелким мошенником, способным лишь брызгать слюной.

— Заткнись! — рявкнул один из воинов, чье лицо пересекал глубокий шрам.

Одним коротким, выверенным движением он выбил Четвертому Гао челюсть. Крик оборвался на хриплом фоне.

Фу Цанчжоу невольно сглотнул.

"Брат Чжэнь, твои подчиненные всегда так решают вопросы?"

"Хотя подождите... Дети семи светил вроде бы казались весьма благовоспитанными."

Второй воин, выглядевший чуть более дружелюбно, заметил замешательство юноши и поспешил успокоить его:

— Молодой господин, не обессудьте за прямоту Ругана. Этот Четвертый Гао якшается с отъявленным сбродом. Те чиновники, о которых он кричал, давно погрязли во взятках, а его так называемые «братья по оружию» — обычные разбойники с большой дороги.

Фу Цанчжоу понимающе кивнул.

— Кто вы, храбрые воины?

— Военный лагерь созвездия Шэнь, — представился говоривший. — Меня зовут Цзяньпин. А это мои боевые товарищи: Руган, Цаохай и Чжочэн.

Юноша вежливо поблагодарил их, решив не расспрашивать подробнее о загадочном лагере созвездия Шэнь. Сейчас его ждало более важное дело.

Он подошел к мычащему от боли Четвертому Гао, который теперь мог лишь испуганно вращать глазами.

Достав Свиток Инь-Ян, Фу Цанчжоу раскрыл его и ровным голосом произнес:

— Четвертый Гао, мне нужно, чтобы ты оставил свое имя на этих страницах. Если не умеешь писать — приложи палец.

Пленник яростно замотал головой, чуя неладное. Но Руган без лишних церемоний прижал его к полу:

— Живее! Кому сказано!

Фу Цанчжоу на мгновение зажмурился, чувствуя себя участником допроса в застенках тайной канцелярии. Но, вспомнив несчастного служку и умирающий дух дерева, заглушил в себе голос жалости.

Четвертый Гао сопротивлялся из последних сил — не из благородства, а из дикого, животного страха за свою шкуру. Однако против силы профессиональных военных у него не было шансов. Руган полоснул острием ножа по его большому пальцу и силой прижал окровавленную

подушечку к пожелтевшей бумаге свитка.

На странице расплылся алый след.

Когда формальности с регистрацией были улажены, Фу Цанчжоу попросил солдат удалиться.

Они остались наедине.

Четвертый Гао, лишившись поддержки грозных стражей, мгновенно переменился в лице. Увидев перед собой лишь хрупкого, бледного юношу, он решил, что это его шанс на спасение. Превозмогая боль в вывихнутой челюсти, он резко рванулся вперед, выставив скрюченные пальцы.

Но Фу Цанчжоу лишь презрительно сощурился.

Раздался тихий щелчок.

Проекция теней!

В то же мгновение силуэт юноши растаял в воздухе, а Четвертый Гао с размаху врезался лицом в деревянные доски пола.

Когда он с трудом приподнялся, Фу Цанчжоу уже стоял у противоположной стены. Юноша медленно опустил ладонь вниз, высвобождая скопившуюся в теле призрачную энергию.

Тяжелая, леденящая кровь аура мгновенно заполнила комнату. Четвертого Гао словно придавило к земле огромной невидимой плитой — он не мог даже пошевелить пальцем.

Фу Цанчжоу открыл шкатулку и призвал души погибших.

В воздухе соткались два силуэта: полупрозрачный, дрожащий призрак трактирного служки и почти угасший, рваный дух софоры по имени Пэнсюань.

Очных ставок не требовалось — вина Четвертого Гао была очевидна.

Призраки в ярости уставились на своего мучителя, готовые разорвать его душу на куски. Однако Четвертый Гао все еще оставался живым человеком, защищенным плотью от прямого воздействия слабых духов.

Понимая, что его песенка спета, Четвертый Гао поспешно заговорил, коверкая слова из-за сломанной челюсти:

— Господин! Смилуйтесь! Я ведь не знал... Клянусь, я не знал, что эта старая софора обрела разум! Разве это грех — пытаться спасти собственную жизнь за счет дерева?

Служка закричал, его голос сорвался на сиплый хрип:

— А я?! Меня ты тоже обрек на смерть случайно?!

Четвертый Гао лишь заскулил, пытаясь отползти назад:

— Да если бы не мое снадобье, ты бы еще тогда, в лихорадку, Богу душу отдал! Я лишь забрал долг...

— Замолчи, — холодно оборвал его Фу Цанчжоу.

Ему надоело слушать эти жалкие оправдания.

— Не мне судить тебя. Твоя судьба теперь в руках Небесного закона.

Повернувшись к духам, он спросил:

— Вы готовы оставить свои имена в Свитке Инь-Ян?

Оба призрака, не задумываясь, коснулись страниц, оставив на них свои энергетические отпечатки.

Фу Цанчжоу глубоко вздохнул. Он поднял Свиток Инь-Ян перед собой, направив поток силы в древние символы.

— По праву Повелителя призраков взываю к закону «□□□□» — истоку и началу всех вещей. Пусть свершится правосудие для духа софоры Пэнсюаня, Чэнь Чуаньцзы и Гао Бую.

Свиток вспыхнул ослепительным серебряным светом.

Три луча вырвались из бумажного листа и коснулись каждого из участников.

Комнату огласил дикий, раздирающий душу крик Четвертого Гао. Свет соткался в призрачные цепи, которые обвили его тело и с силой выдернули испуганную душу из живой оболочки.

Едва дух Четвертого Гао оказался на свободе, окрепший от небесного сияния Пэнсюань бросился на него. Острые когти лесного духа вонзились в бесплотное тело убийцы, разрывая

его на части.

Секунда — и дух софоры полностью поглотил остатки души своего врага.

Фу Цанчжоу видел это, но не сделал ни единого движения, чтобы помешать законной мести.

В то же время второй луч света подхватил душу трактирного служки и бережно втиснул ее в опустевшую, но все еще теплую и здоровую плоть Четвертого Гао.

Случилось невероятное — истинный обмен судьбами.

Конечно, чужая душа в новом теле приживется не сразу. Чэнь Чуаньцзы ждали долгие месяцы болезней и слабости, но главное — он снова обрел право жить под солнцем. Если он захочет выжить, ему придется принять это имя и эту судьбу.

От сильного потрясения новообретенное тело Четвертого Гао рухнуло на пол без чувств. Фу Цанчжоу осмотрел его и, убедившись, что жизни ничто не угрожает, позвал стражников, чтобы те перенесли спасенного в теплую комнату.

Мсть свершилась. Душа Четвертого Гао исчезла навсегда, стертая из колеса перерождений.

Но плата за это оказалась высока.

Дух софоры, поглотивший человеческую душу, начал стремительно таять. Для чистых духов природы убийство человека — смертный приговор, уничтожающий саму их суть. Пэнсюань знал это, но сознательно выбрал гибель в обмен на отмщение.

Его полупрозрачный силуэт подернулся дымкой. Посмотрев на Фу Цанчжоу, он слабо улыбнулся:

— Спасибо... Повелитель.

Слова растаяли в воздухе вместе с его образом.

Фу Цанчжоу грустно вздохнул. Он резко сжал левую ладонь, собирая парящие в комнате золотистые искры угасающей жизни.

Правой рукой он быстро начертил в воздухе защитный контур. По правде говоря, он хотел придать духу форму могучего горного орла, но от усталости пальцы дрогнули, и из золотистого тумана соткался... обычный черный ворон.

С тихим криком птица ожила, захлопала крыльями и, сделав круг под потолком, опустилась на левое плечо юноши, ласково потеревшись клювом о его щеку.

"Ну что ж, пусть будет ворон, — устало подумал Фу Цанчжоу, погладив блестящие перья. — Главное, что его искра жизни спасена. Со временем он обретет разум."

Внезапно силы полностью покинули его. Призыв Свитка Инь-Ян и сотворение нового духа-проводника забрали последние капли призрачной энергии. В глазах потемнело, ноги подкосились, а пустое брюхо, не видевшее нормальной еды почти два дня, отозвалось резкой болью.

Фу Цанчжоу почувствовал, что падает навзничь на холодный пол.

"Да и пусть... Все равно не расшибусь," — вяло подумал он, закрывая глаза.

Но жесткого удара не последовало. Он мягко опустился в чьи-то надежные, теплые объятия.

— Сяо Чжоу, почему ты вечно доводишь себя до такого состояния? — раздался над ухом знакомый, глубокий голос Су Чжэня.

Фу Цанчжоу с трудом приоткрыл один глаз и слабо улыбнулся:

— Все хорошо, брат Чжэнь... Я просто очень хочу есть.

"А еще на моем счету теперь ровно сто монет преисподней. Кажется, я наконец-то начинаю богатеть."

С этой мыслью юноша окончательно провалился в глубокий, безмятежный сон.

<http://bllate.org/book/19708/2001258>